

Я тогда только что занял пост председателя Литературного фонда России, где прежде руководителем был ныне покойный, а тогда пышущий здоровьем и благородством дворянских корней мой друг Сергей Артамонович Лыкошин. Литфонд к тому времени уже дышал на ладан, верней, медленно, но уверенно умирал. Из более чем восьмидесяти отделений по всей России после распада СССР согласие оставалось в составе Литфонда подтвердили только семь, восьмое — Иркутское — вот-вот должно было заявить о своём выходе. И ко мне с просьбой как можно быстрее отпустить отделение на так называемые вольные хлеба, а, если быть совершенно точным, то под широкое денежное крыло местного губернатора, зашёл уроженец Иркутска, знаменитый русский прозаик Валентин Распутин. Я внимательно, не без глубокого сожаления, выслушал его и предупредительно сказал:

— Никто не спорит, — сегодняшней Литфонд не тот, что был при советской власти... Не тот, не тот! Но надо помнить, что в прошлом году он отметил своё 150-летие! А губернаторы избираются на четыре, максимум, на пять лет. Хорошо, что нынешний так положительно относится к литературе не в самое лучшее для неё время. Но, хочешь — не хочешь, на смену ему придёт другой. И вы, Валентин Григорьевич, можете быть твердо уверены в том, что, так сказать, новая метла, по-новому не заметёт?!

— Конечно, нет! Но по крайней мере, сегодняшняя ситуация — такая, как есть! — грустно закончил разговор Распутин.

Из-за служения литературе у меня самого напрочь ломались семейные планы. В Москве я оказался, в основном, с одной благородной целью — дать своим дочерям, старшей Вере и младшей Лене, достойное их способностей образование. А тут, пусть новый, но так надевший за многие годы хомут руководителя, который надеть-то на себя не сложно, но как вместе с ним, впрячься в тяжеленную, да ещё на скрипящем, инвалидном ходу, хозяйственную телегу, тащить её из последних сил, когда ни денег, ни условий для зарабатывания их практически не было!

И всё-таки подумал: «Эх, Иван Переверзин, крестьянский сын, выдать, от судьбы вечного "пожарника" так и до самой смерти не уйти». Со временем стал понемногу обрывать новыми знакомыми из писательской среды, да и не только.

Однажды, на одном из заседаний рабочего секретариата Союза писателей, я случайно познакомился ещё с одним, пусть небольшим, но всё же литературным начальником — заведующим отделом международных связей Олегом Бавыкиным. Видать, произвел на него впечатление надёжного человека, с которым не зазорно и подружиться. Наше знакомство быстро сделалось близким — вскоре в один из субботних дней Бавыкин даже пригласил меня в знаменитый писательский городок «Переделкино», в элитную сауну, предупредив:

— Чужих не будет!
— А из своих кто? Скажешь?.. — не без интереса спросил я.
— Даты их знаете!
— Ну, а если конкретней?..
— Во-первых, твой давний друг Владимир Ерёменко и ещё один знаменитый писатель Владимир Личутин, автор многих замечательных произведений о жизни Русского Севера. Я тебя с ним познакомлю — и сразу поймёшь, какой он хороший человек, да и банщик ещё тот! В общем, время проведём весело!

Эта первая поездка в святая святых писателей мне больше всего запомнилась не расположенной в покольном этаже Дома творчества сауной — чистой, пахнувшей сухими берёзовыми вениками, обитой по каменным стенам хорошо обструганной вагонкой; не просторной парилкой, в которой мы поддала жару, стараясь, поёживаясь и скаля зубы от жгущего гортань и кожу влажного парного воздуха, пересидеть друг друга; не разными смешными байками, которые мы, раскрывшиеся, тяжело дышавшие, укутавшись в свежие простыни, рассказывали поочерёдно друг другу, ещё и успевая попить под невескую вяленую корюшку холодное разливное пиво, привезённое из столицы; а доверительным разговором по душам за распитием бутылки водки с Личутиным в арендованной им у Международного Литфонда творческой мастерской-дачи. Особенно из-за его вопроса, показавшегося мне, человеку вообще-то не пьющему, очень даже странным:

— Иван, а ты что, действительно много пьешь?!

— Извини, Владимир, но твой вопрос для меня ну совсем не понятен! Нельзя поразвёрунее, что ли?

— Как нельзя? Для хорошего поэта всё можно!

И немного грустно помолдав, взвешав пальцами седеющие редкие волосы, буравя меня начинающими соловеть узкими серыми глазами, он ошарашил:

— Знаешь, когда я увидел твой портрет, предваряющий подборку стихов в журнале «Наш современник», то с болью подумал: «Надо же, вот ещё один самородок из народа спивается!».
— Ты всерьёз?!

— Крест кладу! — ответил Личутин.

И, обратив взгляд на икону, стоящую на небольшой полочке в красном углу, заботливо по краям убранную белой материей, трижды перекрестился. А я тотчас вспомнил упомянутую фотографию, сделанную моим другом, поэтом, прозаиком и драматургом Владимиром Фёдоровым в сеносную струю на фоне капустного поля. Действительно, лицо моё в то время было как бы опухшим. И не мудрено! Спать в струю удавалось не больше пяти-шести часов в сутки!

Весь следующий месяц мы ещё не раз ездили с Бавыкиным в сауну в «Переделкино». Машиной тогда я ещё не успел обзавестись, поэтому Олег услужливо подвозил на своей, вроде бы недавно купленной, но уже изрядно раздолбанной «Волге». Вообще, несмотря на мой сложный, а точнее взрывной характер, он как-то сразу принял меня за своего... Но я за короткое время в столице успел понять, что коренные москвичи ничего просто так не делают, а потому держался с новым товарищем настороженно: если и открывал перед ним душу, то ровно настолько, чтобы не навредить себе, и ждал, что же последует дальше.

И вот в одно утро я пришёл на работу и только стал открывать двери приёмной, как за спиной услышал знакомый голос:

— Иван, здравствуй!

Обернувшись на приветствие, увидел Бавыкина, стоявшего в самом начале коридора, одетого в длинное зимнее пальто и стряхивавшего снег с меховой коричневой шапки. Дождавшись, когда он подойдёт, я тепло ответил:

— Здравствуй, здравствуй, мил человек!

И, пожав протянутую руку, вежливо пропустил гостя вперёд.

Миновав приёмную, мы вошли в мой кабинет, примечательный тем, что из его окон был почти полностью виден восстановленный во всём своём великолепии храм Христа Спасителя, а если открыть форточку, то можно было в положенные часы ясно слышать, как широкими, крутыми волнами далеко по Москве во все стороны расходятся малиновый звон колоколов. Ничего более завораживающего и чудесного я не знал! Всегда, слыша неповторимый небесный перезвон, я незримо возносился душой всё выше и выше, как мне казалось, — к самому Богу... Настроение порой настолько улучшалось, что даже невольно хотелось молитвенно петь...

Едва мы разделились и стали пить приносённый секретаршей зелёный чай, Олег произнёс:

— Слушай, в Москву по приглашению президента из Дагестана прилетел Расул Гамзатов, но неожиданно занемог, да так сильно, что врачи вынуждены были его госпитализировать! Лежит с большими ногами в кремлёвской больнице! Ты с ним знаком?!

— К сожалению, только по стихам, естественно, в переводе!

— Так поехали к нему! В больницу! Там и познакомишься с ним как новый руководитель Литфонда! Может, какую-нибудь помощь надо будет оказать, сам понимаешь...

— Олег, твоё предложение заманчивое, но сверхнеожиданное! Даже как-то и неудобно тревожить больного человека. Может, сначала созвонимся?

— И это говорит мужчина, поднимающий из берлоги медведя, добывавший рысь, скрадывавший и добывавший самого сохотого?! К чёрту все сомнения! Поехали!

— Прямо сейчас?

— А когда ещё? И так, дай Бог, к полудню бы добраться после такого обильного ночного снежпада!

Действительно, из-за снега по всему городу образовались длинные, нудные, а порой даже надрывно сигнальшие автомобильные пробки, которые кое-как двигались, но со скоростью не больше семи-восьми километров в час! Однако мой новый друг Бавыкин хорошо знал столицу, коли стал раз с разом, с целью объезда пробок, нырять то в одну, то в другую уличку. Я же город не знал, и потому совершенно не представлял, приближает ли нас бавыкинская езда к цели или, наоборот, всё больше и больше отдаляет.

И, взволнованный ожиданием важной для меня встречи, вспомнил, как пятнадцатилетним парнемком во время подготовки к районным соревнованиям по лёгкой атлетике по пути на стадион «Алмаз», я вдруг поднял голову и увидел в двух шагах перед собой то ли от ветхости, то ли от плавающего грунта как-то уж больно косо стоявшее одноэтажное деревянное здание с высоким крыльцом, с двух сторон которого были сооружены сплошные перила. Высокая кирпичная труба даже в весеннее время попкивала дымом, говоря мне ещё и о том, что к центральному отоплению этот дом так и остался по чьему-то начальствующему недоголаду не подключённым. Двухэтажная крыша соответствовала зданию и была покрыта обрезным тёсом «двадцатипяткой», от времени сильно замшелым. Над входной дверью красовалась вывеска «Книжный магазин».

Несмотря на то, что лишнего времени у меня не было ни минуты, я — страшный любитель книг, в предвкушении какого-то чуда всё-таки взбежал по деревянным, пружинившим под тяжестью тела скрипящим ступеням на высокие крыльцо и, открыв утешённую толстым войлоком дверь, вошёл в магазин и поздоровался

с продавщицей, женщиной предпенсионного возраста с седыми волнистыми волосами до плеч, с морщинистым лицом. Взор её глубоких спокойных глаз, ничего нового от жизни уже не ожидавший, говорил о давно пережитых радостях и страданиях. В руках у продавщицы была какая-то книга. При моём появлении она закрыла её, предусмотрительно положив палец (вместо картонной закладки) между страницами — как раз на том месте, где читала.

Движимый каким-то необъяснимым добрым предчувствием, я сразу же подошёл к полкам, на которых размещалась классическая литература. Быстро пробежав глазами по корешкам книг, вдруг от неожиданности вздрогнул, ибо увидел объёмистый томик стихов одного из своих любимых поэтов — Расула Гамзатова! Дрожавшими от волнения руками взял заветную книгу, заплатил за неё где-то рубль с копейками и радостно выскользил на улицу. Чувствуя, что уже опаздываю, всё же на ходу пролистал бесценный для меня том. Он был выпущен издательством «Художественная литература» в суперобложке, на качественной мелованной бумаге и очень большим, даже по тем временам, тиражом. И это не удивляло, поскольку истинный любитель настоящей поэзии желал бы иметь в своей домашней библиотеке произведения такого поэта. Не переставая думать о предстоящем чтении любимых стихов, я и не заметил, как прошла двухчасовая тренировка.

Пулёй примчался домой. Там, на скорую руку пообедав, уединился в свою комнату и сначала с первого до последнего листа просмотрел издание, узнал фамилии переводчиков — и только потом погрузился в чтение, как будто вернулся на дорогой с детских лет Кавказ. В совершенно удивительный мир, населённый древнейшими времён замечательными людьми! С неповторимой природой, красотой которой невозможно переоценить.

И каждое прочитанное мной с затённым дыханием стихотворение только больше и глубже подтверждало это. При чтении книги мне не надо было даже закрывать упоённо глаза, поскольку и с широко открытыми, только как бы глубоко погрузившись в себя, я видел высокое, исполненное чистой лазури небо, на ярком фоне которого сверкал, как огромный алмаз, белоснежной вершиной легендарный Эльбрус. От него по ледникам, потом по ущельям с отвесными скалистыми берегами-стенами неслись, вскипая и пенясь на многочисленных перекатах, вечно неутомимые, сноровистые, как дикие кони, горные реки. Вдруг берега раступались — и взору открывалась долина, поросшая сочной ярко-зелёной травой, которую с удовольствием поедали пасущиеся в тучных стадах овцы и бараны. А недалеко под деревом горел небольшой костёр, на котором горцы готовили бесхитростную, но вкусную пищу. В отсутствие пастуха, спускавшегося к реке за выброшенными на берег обломками деревьев, животные находились под присмотром огромной мохнатой овчарки, которая, бжевав на пригорок, вытянувшись в струнку, чутко вдыхая чистейший, словно хрустальный, воздух, не спускала острых глаз с отары.

Было совсем не жалко, что поздно встающее в горах солнце, рано спускается, разбрасывая по краю небес и по вершинам гор яркие световые сполохи, ибо с наступлением вечера воздух, сущаясь, становился звонок и, словно не вдыхался, а благодатно проглатывался, как пузырёк целебного нарзана. Чем прохладней и непроглядней становилась вокруг тьма, тем ярче на небе загорались бесчисленные звезды. Постепенно наступала глубокая-глубокая, умиротворяющая взволнованную душу, плотная тишина. Видимо, об одном из таких чудных вечеров гениальный Михаил Лермонтов написал: «Ночь тиха, пустыня внемлет Богу / и звезда с звездою говорит...».

В горном селении, которое обычно располагалось в глубоком ущелье, окружённом со всех сторон отвесными пикообразными скалами, жилища строились уступами, и получалось так, что первая же крыша становилась как бы двором стоящего выше дома. Конечно, современная жизнь внесла свои коррективы и в архитектуру, и в планировку улиц, но вместе с появлением удобств был, к сожалению, утерян тот старый мир, который своей спешностью, невольным знанием о своём соседе всего или почти всего, порождал необходимость держаться друг друга в радости и в беде.

Солнце ещё не поднялось из-за гор, но яркие отблески золотых лучей уже возносились вверх и озарили край небосвода. А в разных концах аула начинали блеять овцы от нетерпения отведать свежей зелёной высокогорной травы. Слово призывая их к спокойствию, поланавали незлобно собаки — вечные друзья и спутники любого кавказца. Сами горцы, проснувшись, выходили из домов и приступали к привычным делам: женщины содержали в чистоте и порядке жилища-саки, верно ждали своих вольных мужей, рожали детей и воспитывали их честными и благородными, гордыми за свой необыкновенный край; а мужчины защищали родной очаг от многочисленных, часто приходящих не по их вине бед, добывали сполна еду и средства, необходимые, чтобы в семье, в роду царили достаток и умиротворённость.

творённость.

И вот книга была прочитана до последней точки. Но я как бы только вошёл в двери того огромного мира, который назывался Кавказом и который воспел в своих прекрасных стихах один из лучших сыновей горного края.

С первых же строк я мелодично и внимательно на то, что стихи мелодичны и должны легко ложиться на музыку. И как же был рад, что не ошибся, когда по радио услышал гениальную песню, посвящённую молодым джигитам, павшим в боях за свободу родных гор, чьи души превратились в журавлей и теперь летят над землёй, выстроившись в клин. Нет, они не прощаются с живущими, они призывают их помнить, какая дорогая цена заплачена за мир и как ответственно надо жить, чтобы этот мир больше никогда не нарушался!

Особое место в лирике Расула Гамзатова занимает любовь, у него на

отозвался я.

И, подняв голову, увидел, что мы остановились перед пропускным пунктом, от которого в обе стороны уходил, почти сразу теряясь за деревьями, высокий кирпичный забор, а за ним возвышалось серое многоэтажное здание центральной клинической больницы, в одной из палат которой я и должен был познакомиться со своим кумиром. Слева от автостоянки вдоль забора возвышался сосновый, вперемешку с огромными елями, лес, засыпанный от вершин своих до самых нижних ветвей свежим, пыльным, как взбитая пуховая подушка, снегом. Бавыкин, попросив меня подождать в машине, торопливо скрылся за высокими входными дверями. Но я так засмотрелся на зимний снежный лес, что, выйдя из машины, хоть выпавший за ночь снег был глубоким, смело шагнул в сугроб — и тотчас провалился по колено. Но это не смутило меня.

Но я решил не изменять своему правилу:

— А на каком этаже Гамзатов?

— На четвёртом, в самом конце коридора! — ответила медсестра.

— Так это же невысоко! Конечно, по лестнице поднимемся! И не смотри на меня с таким неудовольствием, Олег! Понимать должен, что движение — это жизнь!..

И мы втроём не спеша двинулись по мраморным ступеням всё выше и выше. Действительно, я в любых условиях старался переодеться только, как говорится, на своих двоих! Во-первых, за время профессиональных занятий спортом в кровь и плоть настолько вошли сверхнагрузки, что меня хлебом не корми, но дай в день пройти пешком хотя бы десять километров. Да как?! До звона и лёгкой боли в ногах. К тому же случай из давнего прошлого, который произошёл со мной в Пятигорске, оптимизма ездить на лифте не прибав-

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Белые

первом месте стоят высокие чувства к женщине: и как к любовнице, и как к супруге, и как к единственной верной подруге. Знаменитый композитор Оскар Фельдман не мог это не прочувствовать. В результате появилась музыка к таким прекрасным стихам, как «С любовью к женщине», «Есть глаза у цветов», «С женщиной наедине», «Разве тот мужчина» и другим. А певец, исполнявший их, — наполовину русский, наполовину азербайджанец — неповторимый Муслим Магомаев, гениальный талант которого я полюбил по первой же услышанной песне.

Мне кажется, квинтэссенцией всей любовной лирики поэта можно назвать написанное в самом начале творческого пути стихотворение — более образное и трогательное поэтическое произведение, пожалуй, трудно найти: «Здесь ещё снег не стаял, / Крыши в белых папахах, / А ты с землянками прислава мне / Сорных лугов цветы... / И в дымный вокзал ворвался / Лёгкий весенний запах, / И, знаясь, мне показалось, / Что это приехала ты. / Я принял их, как встречает / Гостя в домах кавказских! / Поставил на видном месте, / Свежей водой поил. / Но мало они погодили! / Скоро поблекли краски, / И степли к свету тянулись / Уже из последних сил. / Венички наклоняя, / В руках моих увядали. / Как я хотел спасти вас, / Ранней весны ростки!... / Вдали от лугов зелёных, / От горной солнечной дали / Зелёные опали / На письменный стол лепестки. / И опустело в доме, / Будто мы вновь простились... / И за окном капели — / Уходит, уходит зима! / И на Тверском бульваре / Ландыши появились... / Знаешь что, дорогая, / Ты приезжай сама!».

Вдруг я услышал голос Бавыкина, возвратившего меня из затнувшихся воспоминаний и размышлений:

— Ну вот, слава Богу, и приехали!
— Да быть такого не может! — шутя

Почему-то вспомнилось детство... Я, как в давние юные года, решительно подошёл к одной невысокой тонкой сосенке, встал под неё и, взявшись за ствол, с силой встряхнул молодое дерево. Снег в весёлом шумом ворохом посыпался на одежду, за ворот, обдав бодрым холодом, и, стремительно тая, побежал по позвоночнику...

— Эх, хорошо-то как! — воскликнула я.

И, словно в ответ, услышал, как синица, залетевшая на самую вершину ели задорно засвистела: «Пиють, пиють, пиють!»

С удовольствием послушав её, полюбившись заснеженным, будто задремавшим лесом, я не без сожаления вернулся в машину. Едва стряхнул с одежды снег, как появился Бавыкин:

— Иван, а паспорт у тебя с собой?

— С собой. Иначе и быть не может, ведь я, проживший, считай, большую часть жизни среди якутов, сам стал похож на них, особенно лицом. Нашей же милиции — что якут, что чеченец — всё подозрительный человек. И если вдруг забудешь дома паспорт, сутки продержат в отделении, пока не разберутся, кто ты, что за фрукт.

— Понятно! Значит, можем идти к охране, тем более что у них в списках наши фамилии значатся.

У пропускного поста нас ожидал не только мужчина в возрасте, с коротко подстриженными ржавыми волосами, в чёрной спецодежде, но и медсестра, женщина средних лет в белоснежном халате, с лицом Моны Лизы, со сдержанной, но приветливой белокурой улыбкой. Я полез за паспортом, но она сказала:

— Бавыкин у нас частый гость, мы его почти за своего принимаем и, конечно, доверяем ему! Так что, не теряя зря времени на формальности, проходите через турникет и следуйте за мной.

— К Расулу Гамзатовичу по лестнице или на лифте поднимемся? — спохватившись, спросила она.
— На лифте, на лифте! — тотчас решил Бавыкин.

Дело в том, что я, проходя лечение на знаменитом курорте, поселился в новом, недавно построенном восьмьюэтажном здании гостиницы «Интурист». В номере я так увлёкся чтением купленного на чёрном рынке романа «Мастер и Маргарита», что не заметил, как время подкатило к часу дня. А мы с женой решили пообедать в ресторане «Центральный», находившемся в живописном центре города, до которого на трамвае не меньше десяти минут езды. Не желая своим опозданием расстраивать супругу, я, выскочив в коридор, увидел только что подошедший лифт. Не раздумывая, влетел в кабину и стал спускаться. Но где-то на половине пути, между этажами, лифт, вдруг дернувшись, встал! Всякое бывает... «Постоит да опять поедет...» — без лишнего волнения подумал я. И зря!

Через десять минут добровольного «заточения» в железной узкой коробке, да ещё плохо проветриваемой, мне стало трудно дышать. Пот выступил на лбу. И я в надежде быть услышанным, стал кричать. Однако никто не отозвался, не пришёл на помощь, лишь уборщица, проходя мимо с ведром, остановилась и «утешила»:

— С вами всё в порядке?
— Если не считать, что я опоздал на свидание с любимой женой, то, можно сказать, всё или почти всё...

— И вы из-за этого, чувствуя по голосу, расстроились? Судьба уж такая у нас женщин: вас, мужчин, всю жизнь то ждать, то поджидать! А лифт-то нескоро заработает!

— Это почему же! — чуть не вскричал я.

— Так время-то, как-никак, обеденное! Слезай, обслуживающий лифт, пошёл подкрититься, чем Бог пошлёт! Так что потерпи маленько! О жизни подумай! Она ведь вон какая: ты от неё добра ждёшь, а она тебя по голове бьёт. Пойду уж я...

И исчезла.